

Э.Р. Гафурова

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАЛОЖНИКОВ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Защита уголовным законом прав и интересов лиц, действующих в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости при пресечении захвата заложников, является одной из правовых гарантий повышения активности и результативности сотрудников правоохранительных органов.

При освобождении заложников сотрудникам правоохранительных органов часто приходится решать вопрос о применении институтов необходимой обороны, крайней необходимости либо и того, и другого одновременно.

Например, работник милиции, lawfully защищаясь от террористов и предпринимая попытки к освобождению заложников, находясь в состоянии необходимой обороны, одновременно в состоянии крайней необходимости, нарушая правила применения оружия, производит выстрелы в многолюдном месте. В этом случае применение огнестрельного оружия правомерно, так как для освобождения заложников причиняется вред другому правоохраняемому интересу – порядку несения службы и порядку применения оружия. О состоянии крайней необходимости можно говорить при осуществлении руководителем специальной операции или переговорщиками переговорного процесса.

Одни авторы утверждают, что если сотрудники милиции применяют огнестрельное оружие в целях освобождения заложника, то это состояние крайней необходимости¹, другие – что в этих криминальных конфлик-

тах сотрудники милиции находятся в состоянии необходимой обороны².

В.С. Новиков считает, что сотрудники милиции могут находиться как в состоянии необходимой обороны (применение оружия без предупреждения), так и в состоянии крайней необходимости (переговорный процесс)³.

Применение оружия без предупреждения, то есть «поражение во имя победы» применяется в исключительных случаях и только тогда, когда жизни заложников угрожает неотвратимая опасность, устранимую с использованием имеющихся сил и возможностей в этой трагической чрезвычайной ситуации невозможно. Данная стратегия реализуется в рамках состояния крайней необходимости. Ее цель можно считать достигнутой, если преступниками выполнена договоренность об освобождении всех или части заложников в обмен на удовлетворение их противоправных требований.

Рассматривая вопрос соотношения необходимой обороны и крайней необходимости, В.Ф. Антонов пишет, что «необходимую оборону следует рассматривать как частный случай крайней необходимости. Доказательством выдвинутого тезиса является то, что названия исследуемых институтов содержат понятие «необходимость», указывающее на социальную полезность действий, связанных

² Каплунов А.И. Правовые и тактические основы применения милицией огнестрельного оружия. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 65.

³ Новиков В.С. Специальная подготовка сотрудников милиции к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия в целях освобождения заложников. Лекция. Академия МВД. М., 1996. С. 15.

¹ Бахрах Д.Н. Административное право: Общ. часть. М., 1993. С. 206.

с обоснованным причинение вреда правоохраняемым интересам»¹.

Сравнивая необходимую оборону с крайней необходимостью, А.Е. Кистяковский, в частности, отмечал: «Сущность крайней необходимости исходит из формулы «право против права», в отличие от необходимой обороны, формула которой – «право против неправа»².

Освобождение заложников представляет определенные трудности для сотрудников органов внутренних дел, так как этот процесс чреват гибелью людей, причинением вреда жизни и здоровью граждан, уничтожением и повреждением материальных ценностей. Так как при освобождении заложников страдают «трети лица», то говорить о необходимой обороне нельзя в связи с тем, что одним из условий ее правомерности является причинение вреда только нападающему. А при крайней необходимости вред может быть причинен третьим лицам, то есть организациям, учреждениям, отдельным гражданам, которые не вызвали опасность и обычно не связаны с созданием этой опасности³. В ситуации захвата заложников третьими лицами, как правило, оказываются заложники.

Однако не все авторы признают причинение вреда третьим лицам необходимым элементом крайней необходимости. Так, например, С.А. Домахин допускает причинение вреда интересам, связанным с возникновением устранимой опасности. «Действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, – пишет он, – выражаются либо в прямом воздействии на источник опасности, либо в пассивном поведении по отношению к нему и причинении вреда интересам третьих лиц⁴.

¹ Антонов В.Ф. Обстоятельства применения института крайней необходимости в деятельности правоохранительных органов. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 130-131.

² Кистяковский А.Е. Элементарный учебник Общего уголовного права: Общ. часть. Киев, 1982. С. 412.

³ Козак В.Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. С. 101; Гришаев П.И., Марцев А.И., Царегородцев А.М. Необходимая оборона, задержание преступника, крайняя необходимость. Омск, 1987. С. 29.

⁴ Домахин С.А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 41.

Таким образом, при освобождении заложников, когда действия работников правоохранительных органов направлены на спасение интересов заложников, включая государственные и общественные интересы, причинение вреда третьим лицам в состоянии крайней необходимости является ее необходимым элементом.

В условиях крайней необходимости допускается не только причинение вреда третьим лицам, не являющимся источником опасности, но и выполнение определенных требований преступников, террористов. Именно институтом крайней необходимости и оправдывается выполнение требований террористов при захвате и освобождении заложников.

В связи с этим, интересно проанализировать действующие нормативные правовые акты на предмет освещения вопроса о необходимости выполнения или невыполнения требований преступников ради освобождения заложников. Следует заметить, что в целом анализу правового регулирования борьбы с захватом заложников был посвящен предыдущий параграф работы.

Так какова же позиция российского государства по данной проблеме? Освещение этого вопроса хотелось бы начать с Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г., ратифицированной Россией Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1987 г. № 6941-XI «О присоединении Союза ССР к Международной конвенции о борьбе с захватом заложников»⁵.

Часть 1 ст. 3 указанной Международной конвенции гласит, что «государство-участник, на территории которого удерживается захваченный преступником заложник, принимает все меры, которые оно считает целесообразными для облегчения положения заложника, в частности, его освобождения и содействия...». А в ч. 2 ст. 3 этого же документа сказано, что «если какой-либо объект, который преступник приобрел в результате захвата заложников, оказывается в распоряжении государства-участника, это го-

⁵ Ведомости ВС СССР. 1987. № 20. Ст. 266.

сударство-участник возвращает его как можно скорее заложнику или третьей стороне, указанной в ст. 1 в зависимости от обстоятельств или соответствующим органам его страны»¹.

Думается, что исходя из подобной формулировки вытекает возможность выполнения требований преступников ради спасения жизни заложников, что будет оправдано состоянием крайней необходимости. Хотя прямых выражений, касающихся выполнения требований преступников, конвенция не содержит.

Оценить позицию нашего государства на возможность осуществления требований террористов позволяет и Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом».

Согласно ст. 14 данного закона, «при проведении контртеррористической операции в целях сохранения жизни и здоровья людей, материальных ценностей, а также изучения возможности пресечения террористической акции без применения силы допускается ведение переговоров с террористами. При ведении переговоров с террористами в качестве условия прекращения ими террористической акции не должны рассматриваться вопросы о выдаче террористам каких бы то ни было лиц, передаче им оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей, а также вопрос о выполнении политических требований террористов»².

По смыслу закона выполнение некоторых требований террористов все же возможно. Закон запрещает передачу оружия и иных средств и предметов, создающих угрозу жизни и здоровью людей; запрещает выполнение политических требований. Причем сама формулировка «не должны» звучит не категорично «запрещается». Следовательно выполнение некоторых требований захватчиков, например, требование предос-

тавления еды, питья, одежды возможно; а в состоянии крайней необходимости допустимо выполнение и других «не должных» требований.

Таким образом, нам представляется, что в рамках российского государства выполнение требований преступников ради спасения жизни и здоровья заложников в состоянии крайней необходимости возможно и будет оправдано как на законодательном, так и на социально-нравственном уровнях.

Действия сотрудников ОВД при освобождении заложников не всегда могут исключать элемент неосторожного причинения вреда здоровью и жизни заложников. Кроме того, освобождение заложников нередко происходит в общественном, многолюдном месте, где могут присутствовать посторонние граждане – родственники заложников, прохожие, люди, случайно оказавшиеся на месте события преступления, в роли пассивных наблюдателей, что также не исключает возможность причинения вреда их жизни и здоровью. Кроме того, экстремальность уголовно-правового института крайней необходимости в ситуации освобождения заложников обуславливается такими факторами, как динамичность развития событий, недостаток времени и информации для выбора оптимального варианта действия. Вместе с тем лица, освобождающие заложников, должны продумать все осуществимые способы преодоления препятствий и надежно удостовериться в их применимости для конкретной ситуации.

К сожалению, в практике имеется ряд случаев, когда в процессе задержания преступников и освобождения заложников были жертвы со стороны заложников. Наибольшее их количество было в 2002 г. при захвате театрального центра на Дубровке и в г. Беслане Северной Осетии в 2004 г.

Условия правомерности крайней необходимости должны быть одинаковыми для любой ситуации. Они распространяются и на случаи освобождения заложников. Однако будут ли они одинаковыми при освобождении разных категорий заложников?

Во-первых, необходимо отметить, что каждый конкретный случай освобождения

¹ Международная конвенция по борьбе с захватом заложников // Участие ОВД и ВВ МВД РФ в международном сотрудничестве: Сб. документов. Вып. 3. М., 2000. С. 53-61.

² О борьбе с терроризмом. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3808.

заложников является индивидуальным, не похожим на другие. Поэтому и способ разрешения конкретной жизненной ситуации будет в каждом случае разным. Одного варианта действий на все случаи жизни быть не может, следовательно не может быть и единой инструкции действий сотрудников правоохранительных органов при освобождении заложников.

Во-вторых, если предположить, что каждый захват заложников – это индивидуальный акт преступного поведения, характеризующийся наличием собственных специфических признаков, отличающих его от других подобных преступлений, то автором хотелось бы обратить внимание на ситуации освобождения несовершеннолетних и освобождение большого количества заложников.

Не вызывает сомнения и тот факт, что в целом захват заложников – это уже чрезвычайная ситуация, а их освобождение – экстраординарное событие, выходящее за рамки ежедневных обязанностей сотрудников правоохранительных органов вне зависимости от того, кто находится в заложниках и каково их количество.

Наиболее распространенными и типичными ситуациями захвата заложников являются, например:

- 23 февраля 1992 г. около 10 часов 30 минут, находясь под стражей в СИЗО 45/1 г. Санкт-Петербурга, подсудимые Перепелкин, Королев, Уткин, Зиновьев, пытаясь совершил побег, захватили в качестве заложников старшего контролера Авакумову и контролера-кинолога Яремского. Подсудимые потребовали у администрации СИЗО предоставление оружия, боеприпасов, транспортного средства для выезда в аэропорт и самолет для вылета за границу. В ходе проведения спецоперации заложники были освобождены, а преступники обезврежены и захвачены;

- 29 сентября 1997 г. около 23 часов подсудимый Голоперов, проживающий в Селычинском психоневрологическом интернате, пытаясь самовольно покинуть территорию интерната, захватил в качестве заложников трех проживающих в этом же интернате жен-

щин. Подсудимый потребовал у сотрудников интерната беспрепятственного выхода за территорию интерната. В ходе проведения спецоперации двое заложниц были освобождены, одна убита подсудимым, который впоследствии был обезврежен и захвачен¹.

Однако существуют и примеры захвата и освобождения заложников, которые «вызываются» из ряда обычных, рядовых преступлений, предусмотренных ст. 206 УК РФ.

1. Захват заложников 14 июня 1995 г. в Буденновске Ставропольского края. В город на «КамАЗах» въехали боевики Шамиля Басаева и атаковали здание ОВД, городскую администрацию, узел связи и рынок. Захвачена больница и более 1600 заложников. В результате, по официальным данным, потери составили 146 человек убитыми, 415 ранеными. Городу нанесен ущерб в 95 млн. рублей в ценах на 1995 г.

2. Захват заложников отрядом чеченских боевиков Мовсара Бараева в Театральном центре на Дубровке 23 октября 2002 г., когда в заложники были взяты более 900 человек, присутствующих в зале на мюзикле «Норд-Ост», 129 из которых погибло.

Особенностью данной ситуации захвата заложников является ее масштабность, большая численность захваченных в заложники лиц.

Одним из определяющих условий правомерности крайней необходимости является то, что причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный.

Соответственно, в ситуации массового захвата заложников, как это случилось в «Норд-Осте», причиненный вред будет больше, чем в ситуации при освобождении одного или нескольких заложников. Работникам правоохранительных органов придется идти на причинение вреда, ради спасения большего блага – жизни заложников. Именно так действовали сотрудники российских спецслужб ФСБ России «Альфа» и «Вымпел», штурмовавших захваченное здание ДК

¹ Материалы архивного дела № 2-72/98 Верховного суда Удмуртской республики.

на улице Мельникова, и впервые вынужденные применить сильнодействующий газ,пустив его по вентиляционным шахтам. Как в те дни сообщалось в прессе: «Усыпляющий газ спас сотни людей, но часть заложников он убил»¹. Это подтверждение тому, что ради спасения большего блага (жизни многих) при освобождении заложников погибло 118 человек.

Нет необходимости доказывать существенное возрастание общественной опасности при захвате сотен заложников. Это трудно сопоставимо с захватом двух или более лиц. Здесь общественная опасность содеянного приобретает иное качество и должна влечь принципиально более суровое наказание. В связи с чем, по нашему мнению, необходимо дополнить ч. 3 ст. 206 УК РФ² новым квалифицирующим признаком «захват 10 и более заложников». Изложив ч. 3 ст. 206 УК РФ в следующей редакции:

«3. Деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 настоящей статьи, если они совершены:
а) организованной группой;
б) повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия;
в) в отношении 10 и более лиц».

3. Захват заложников 1 сентября 2004 г. в городе Беслане Северной Осетии-Алании. Когда чеченские боевики Доку Умарова захватили 1200 заложников в школе № 1. В результате пострадало 774 человека и погибло 329 человек, из них детей, соответственно, 404 и 248 человек³.

Ситуация освобождения заложников в Беслане осложнялась тем, что помимо большого количества захваченных в заложники лиц, большинство из них были дети.

Выделение категории освобождения несовершеннолетних заложников представляется неслучайным. Сам законодатель выделяет данную категорию заложников, предус-

матривая «захват в отношении несовершеннолетнего» в виде квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ.

Последние примеры захвата заложников позволяют поставить вопрос о равнозначности условий правомерности крайней необходимости при различных ситуациях освобождения заложников. Думается, что эти условия будут различны в зависимости от того, кто захвачен в заложники и каково их количество.

Кроме того, наше мнение по данному вопросу разделяют и опрошенные сотрудники ОВД, которым в ходе проведенного нами анкетирования был задан вопрос: «Как Вы считаете, имеются ли особенности применения института крайней необходимости при освобождении разных категорий заложников?» Постановка данного вопроса в адрес сотрудников ОВД обусловлена возложенными на них обязанностями по освобождению заложников как правовой обязанности. В результате чего 96% опрошенных ответили положительно, из них 46% опрошенных считают, что особенности имеются при освобождении несовершеннолетних; 50% – при освобождении большого количества людей; 3% опрошенных считают, что таковых особенностей нет, и лишь 1% затруднился ответить.

Таким образом, в ситуации освобождения заложников всегда применяется институт крайней необходимости, который находит свое отражение в выполнении-невыполнении требований преступников, в применении или неприменении оружия сотрудниками правоохранительных органов. Кроме того, автор пришел к выводу, что в зависимости от количества захваченных в заложники лиц и кто находится в заложниках (дети или взрослые), условия правомерности крайней необходимости неравнозначны.

¹ Независим. газ. 2002. 28 октября. № 231. С. 1.

² Подобной точки зрения придерживаются Ю.М. Антонян, В.А. Верещагин (Захват заложников // Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: ВНИИ МВД РФ, 2001. С. 31).

³ Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций / Научный информационный сборник / Гл. ред. Н.А. Махутов. М., 2005. № 1. С. 30.